

Мастера нашего театра

Н. Н. Колесников — заслуженный артист РСФСР

Мы встретились за кулисами. Разговор не клеился. Собеседник был расстроен, а я не понимал, в чем дело. Вчера человеку присвоили звание Заслуженного артиста республики, а он явно не в духе. Был антракт постановки «Сотворение мира», в которой Николай Николаевич играет роль инженера Глаголина. В зеркалах на столике и стенах отражались роговые очки под седым париком. Артист то и дело поправлял очки и хмурился в зеркало. И вдруг все стало понятно. Н. Н. Колесникова и здесь, за кулисами, нет. Это инженер Глаголин, который только что на сцене узнал, что от него отклеилась жена переживает свое горе в артистической уборной. Это Глаголин расстроен—всерьез, без антракта!

Такое самозабвенное увлечение ролью со стороны опытного профессионала казалось поразительным. Ведь для Николая Николаевича это была не первая крупная роль. Он воплощал само коварство в образе Вурма и само благородство в роли неудачника Войничского, он играл народного полководца Брусилова и упоенного славой Наполеона, холодного в своей силе прокурора Скроботова и сильного в своей мягкой человечности Таланова. Наконец, он создал на сцене такой дорогой нам образ Ильича. Как же увлек Колесникова образ Глаголина в этой далеко не лучшей пьесе Погодина?

Таков уж Н. Н. Колесников, что в каждую свою новую работу он вкладывает творческую страсть. Если драматургом создан полнокровный герой—артист увлекается им. Если герой очерчен бледно, невыразительно — Колесникова увлекает сложность задачи: дополнить текст игром, создать на сцене живой, убедительный образ.

Как же это ему удается? Правильно найденным тоном, жестом, мимикой он восполняет текст. Он умеет подняться в своей работе до той высшей ступени творчества, когда всякое искусство становится поэзией. Игра Колесникова воспринимается так, как воспринимаются хорошие стихи, которые всегда волнуют не столько тем, что сказано, сколько подтекстом, внутренним смыслом, тем, что читается между строк. За каждым скупым словом—глубокое переживание, за отсутствием ложного пафоса—большая искренняя

приподнятость, за нарочитой недосказанностью—ясная законченная мысль.

Для того, чтобы играть так, недостаточно одного врожденного таланта. Нужны высокая культура, безукоризненный художественный вкус и, самое главное, знание жизни. Не быть бы Колесникову первым любимцем зрителей, большим артистом, если бы он не понял этого с юных лет. Н. Колесников понял. В 1923 году, закончив в Саратове «Высшие мастерские театрального искусства», он сразу же окунулся в самую гущу событий. Разъезжая по живописным местам Северного Кавказа и сколачивая самодеятельные драматические кружки, он жадно приглядывался к людям заводов и полей, к только что возвратившимся с фронтов гражданской войны красноармейцам. Учил сценическому искусству и одновременно учился жизни.

Так продолжалось четыре года. Но и позднее, придя в профессиональный театр Колесников не замкнулся в его стенах. Он не расставался с самодеятельными коллективами рабочих и красноармейцев до тех пор, пока эту работу не заменила ему широкая общественная деятельность.

Ныне Н. Н. Колесников—секретарь партийной организации театра, член пленумов Куйбышевского райкома и Омского горкома ВКП(б), депутат городского Совета, член школьной комиссии, председатель комиссии по шефству над госпиталями.

Вакантные офицеры хотят послушать концерт. Артист устраивает его. В одну из школ не завезли топливо. Депутат горсовета распекает нерадивых хозяйственников. Заболела старая учительница. Николай Николаевич узнает, в чем она нуждается, принимает личное участие в организации помощи.

Вот эта постоянная деятельная связь с окружающей жизнью и помогает артисту в его основной работе—на сцене. Когда перед ним возникла задача создать образ В. И. Ленина, он вместе с чувством колоссальной ответственности ощутил и внутреннюю уверенность в своих силах.

Не было предела восторгу омских зрителей, когда они увидели на сцене так правдиво, с такой теплотой созданный образ Ильича. Но лишь немногие знают, чем была эта работа для Колесникова. Эта самая благородная и самая трудная работа

стала основной вехой на творческом и жизненном пути артиста. Он призвал на помощь всю свою страсть художника, весь свой жизненный опыт и сразу с головой ушел в роль. Он читал, изучал портреты и картины, он не расставался с этой ролью ни на улице, ни в столовой, ни даже во сне. В то время в театре параллельно готовилась «Очная ставка». Колесникову дали роль следователя, но на первой же репетиции режиссер, присмотревшись к нему, рассмеялся.

Н. Н. Колесников.

Фото М. Горохова.

— Николай Николаевич! Да вы ведь и сейчас играете Ленина!

Роль следователя пришлось передать другому.

Великий образ владел над артистом, целиком подчинял его себе. Колесникова потянуло в Москву. Он побывал в музеях и с трепетом вошел в Мавзолей. Он хотел с профессиональным спокойствием рассмотреть черты человека, которого должен был играть. Но ничего не вышло. Колесниковым овладело такое волнение, что он ничего не увидел. Четыре раза входил он в Мавзолей...

Образ Владимира Ильича был создан. На Всесоюзном смотре областных театров Омский оказался единственным, который ставил все три написанные к тому времени пьесы о Ленине. Колесников создал цельный образ великого вождя и самого

человечного человека, соединил отличный внешний рисунок с глубоким раскрытием характера.

Ни с чем несравнимую творческую радость переживал артист. Трудная, полная исканий работа над этой ролью не только не утомляла его, а, наоборот, заряжала неиссякаемой энергией. Он играл Ильича сто восемьдесят раз в спектаклях и множество раз выступал с отрывками из пьес о Ленине в концертах по радио, и никогда не чувствовал усталости. Жизнерадостность, целеустремленность, духовная сила, которую он воплощал в образе, заражали самого артиста, придавали ему бодрость на сцене и в работе, которую он вел вне стен театра.

Успех Колесникова определяется тем, что для него искусство неотделимо от жизни. Этот простой и одновременно очень сложный секрет творческого успеха он стремится теперь раскрыть и перед подрастающим поколением артистов. Преподаватель сценической речи в театральной студии, он считает своим долгом не только привить будущим артистам профессиональные навыки, но и воспитать их всесторонне развитыми, высоко культурными и самоотверженными в своем труде гражданами великой страны. Завсегдатай музеев и кино, любитель книг, он привлекает театральной молодежи постоянное влечение к духовному обогащению. Любимый преподаватель, он знает самый верный способ, как увлечь слушателей:

— Для этого нужно самому увлечься!—говорит он.

И Колесников увлекается своей работой, увлекается вдумчиво, внешне спокойно и страстно.

Сегодня он—расстроенный Глаголин, нервно поправляющий очки в уборной артиста. Завтра мы увидим его в сложной роли Ивана Грозного, работу над которой он начал с обычным увлечением.

Большой привязанностью платят омичи Колесникову—артисту и общественному деятелю. Нет в городе уголка, где бы не знали его. И неудивительно, что присвоение Н. Н. Колесникову звания Заслуженного артиста республики обрадовало всех. И понятно почему среди телеграмм и писем, которые получил он, вместе с поздравлениями от областных и городских организаций, пришли боевые приветия из госпиталя, из Дома офицера и написанные нетвердым детским почерком восхищенные письма школьников.

М. МАКСИМОВ.